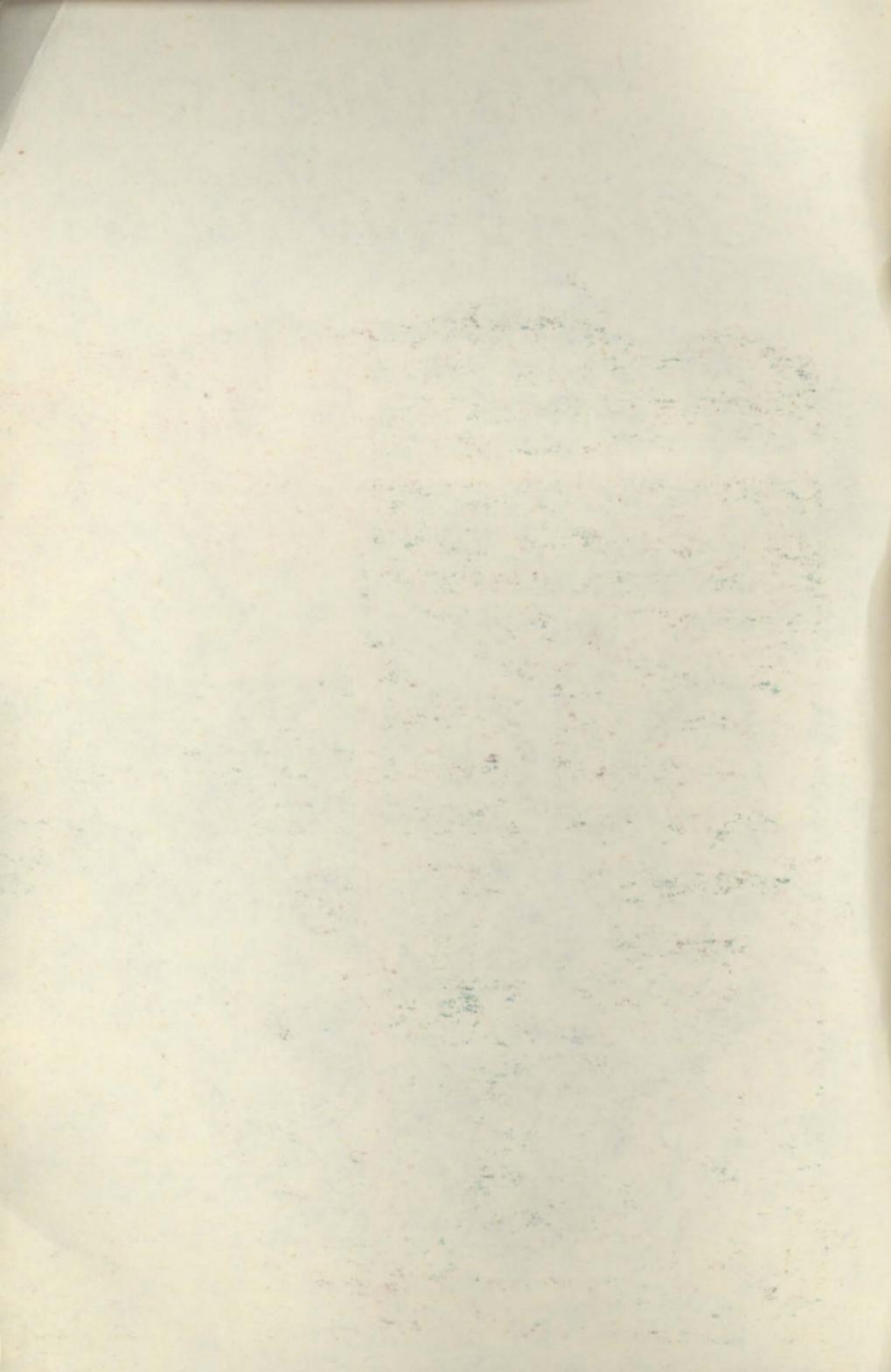

УСМАН НАСЫР

Стань молнией

УСМАН НАСЫР

нелегендарный мастер языка и жизни

Был ли Усман Насыр на самом деле поэтом? Или же он был просто писателем, писавшим на узбекском языке? Или же он был просто писателем, писавшим на узбекском языке?

СТАТЬ МОЛНИЕЙ

Поэма и стихи

Переводы с узбекского

Через год после смерти Усмана Насыра в Узбекистане было организовано первое в истории страны заседание Узбекской Академии наук, посвященное творчеству Усмана Насыра.

Усман Насыр родился 13 декабря 1912 года в городе Самарканде. В 1930 году окончил физико-математический факультет Ташкентского университета. Учился в Ташкентском университете имени Ахмада Якубова.

В 1935 году Усман Насыр начал писать стихи. В 1937 году он был принят в Союз писателей Узбекистана. В 1940 году Усман Насыр был избран членом Узбекской Академии наук.

В 1941 году Усман Насыр был назначен главным редактором журнала «Джамон» («Жизнь»). В 1942 году Усман Насыр был назначен главным редактором журнала «Джамон» («Жизнь»).

В 1943 году Усман Насыр был назначен главным редактором журнала «Джамон» («Жизнь»).

В 1944 году Усман Насыр был назначен главным редактором журнала «Джамон» («Жизнь»).

В 1945 году Усман Насыр был назначен главным редактором журнала «Джамон» («Жизнь»).

В 1946 году Усман Насыр был назначен главным редактором журнала «Джамон» («Жизнь»).

В 1947 году Усман Насыр был назначен главным редактором журнала «Джамон» («Жизнь»).

В 1948 году Усман Насыр был назначен главным редактором журнала «Джамон» («Жизнь»).

В 1949 году Усман Насыр был назначен главным редактором журнала «Джамон» («Жизнь»).

Ташкент
«Камалак»
1992

Творчество замечательного поэта **УСМАНА НАСЫРА**, чья судьба оказалась безвременно обрванной, завоевало признание читателей. В книгу, посвященную 80-летию со дня рождения поэта вошли лучшие его произведения в переводе на русский язык.

Составитель и автор предисловия — Нодира Рашидова, племянница поэта.

H—4702620202—63
356 (04) — 92 47—91

ISBN 5 — 633 — 00629 — 1

© «Камалак», 1992 г.

СТИХИ

НЕМЕРКНУЩАЯ ЗВЕЗДА УЗБЕКСКОЙ ПОЭЗИИ

Вдали от Узбекистана, в сибирской земле по-коится прах поэта, имя которого вот уже пятьдесят с лишним лет продолжает жить в сердце узбекского народа.

Усман Насыр... С появлением этого имени узбекская литература поистине совершила новый взлет. Его стихами зачитывались взахлеб, заучивали наизусть.

Ему было всего 23 года, когда его назвали «звездой узбекской поэзии». И всего 24, когда на него легло кличмо «врага народа».

Но ни арест, ни ранняя смерть поэта не сумели стереть в памяти людской полные любви к жизни, к Человеку, ко всей Вселенной пламенные строки, которые он создал и которые явились выражением откровений пламенного сердца и чистой души...

Усман Насыр родился в Намангане 13 ноября 1912 года. Родители его отличались высокой образованностью, мать хорошо знала произведения классической восточной литературы. Благодаря ей Усман изучил персидский язык, познакомился с образцами узбекской классической поэзии.

Вскоре семья переезжает в Коканд, где проходит детство будущего поэта. После окончания школы Усман едет в Москву и в 1930 г. поступает на сценарное отделение ВГИКа, но по состоянию здоровья вынужден бросить учебу и возвратиться в Коканд. С 1932 года он обучается в Самаркандской Педакадемии (сейчас СамГУ), активно занимается творчеством и в том же году издает свой первый поэтический сборник «Беседа с солнцем». В 1933 г. выходит его сборник «Мобилизованные строки», а на следующий год — «Страна тракторов». С появлением этих книг Усман Насыр приобретает большую известность в республике.

В 1935 г. молодой поэт переезжает в Ташкент. Литературная жизнь столицы республики целиком захватывает его. Работая в газете «Ёш ленинчи» («Юный ленинец»), он продолжает свою неутомимую творческую деятельность. Встречается с Чулпаном, Абдуллоем Кадыри, Фитратом, Эльбеком и многими другими видными представителями узбекской советской литературы. В 1936 г. издает свой поэтический сборник «Сердце», а в 1937 г.— книгу «Моя любовь».

Переводы Усмана Насыра на узбекский язык поэмы А. Пушкина «Бахчисарайский фонтан» и поэмы М. Лермонтова «Демон» по сей день считаются непревзойденными.

Творческие планы переполняли молодого человека. Но им не суждено было сбыться. В июле 1937 г. по ложному обвинению в контрреволюционной деятельности и национализме Усман Насыр был арестован и приговорен к 10 годам лишения свободы и высылке в Сибирь.

Златоуст, Колыма, Магадан, Кемерово, Мариинск, село Суслово, где расположены зоны Сиблага... Уже будучи тяжело больным Усман Насыр пишет из лагеря свою последнюю записку сестре с просьбой забрать в Союзе писателей Узбекистана его рукописи, которые он отправлял на имя руководства в 1941 г. Это были роман в стихах, три пьесы и ряд стихов. Но рукописи бесследно исчезли...

Усман Насыр скончался в Кемеровской области в марте 1944 года.

Он был Меджнуном своей поэзии, нареченной им Лейли, был одержим ее любовью. И, может быть, именно поэтому стихи его и сегодня умеют заворожить читателя своей влюбленностью, искренностью, глубокой проникновенностью.

Произведения Усмана Насыра вошли в сокровищницу узбекской советской литературы и служат ярким образцом для молодых поэтов, стремящихся к вершинам истинной поэзии.

Нодира РАШИДОВА

СТИХИ

СЕРДЦЕ

Стучи, стучи в моих словах,
Язык поет, тебе лишь вторя.
И две луны — два звездных моря
В моих распахнутых глазах...

Воспой земную красоту
И образ Родины прекрасной,
И разливаясь через край,
Пылай к другим любовью страстной.

Но если Родину предашь
Или забудешь на мгновенье,
Стань молнией и разорвись,
И освети свое паденье!..

ВДОХНОВЕНИЕ

Приходишь, как ливень, и душу терзаешь,
И иглы дождя в мое тело вонзаешь.
Я знаю, что мне умереть суждено,
Любовь я испил, как хмельное вино.
И счастья для сердца не надо иного,
Коль в муках рождается новое слово...

О, мой любящий и ненавидящий землю
Бог! я покоряюсь твоим судом — вон! Я об
умел ли я подчинять караоки?

Один из тех, которых на земле нет
— я твой и твой дракон — я твой!
А караоке я люблю и ненавижу одновременно,
Словно разрываясь, слышишь в груди
Весь немыслимый мир твоего тела! Ты мой!
Гаштаки-караоке любит память, любит мг

нний! Ты — мг и мужество! — я
И потому на этой склонной краине
Так неуместны трауры, склоны.
Вот наша жизнь, — это продолжение жизни.
И потому ясна моя караока.

И пусть врагу неугасимой искрой
Над миром солнце несеное блеснет,
И пусть мой страх вспыхнет в эту искру.
Но я караоке изобретатель!

СОНЕТ

ЭТИКА ВОЙХОДА

Стих мой! Милый! И в саду цветы
Посрамить ты можешь — так хорош.
Мне и жизни дал свои черты,
Как душа моя во мне живешь.

Ты вонзен в меня — узорный нож,
Не предам ни мук, ни красоты!
Разве плоть — облатка пустоты?
Боль моя — мой стих, и тем хорош.

Ты навел во времени мосты:
Гейне — сотоварищ мой и друг,
Лермонтов вскормил судьбу и дух.

Жизнью же владеешь только ты —
Ты поэзия. Рассвет! Нет, кровь вдали...
Я — Меджнун, а ты — моя Лейли!

КАРАВАН ИДЕТ

На смерть товарища КИРОВА

Мне сердце жгли печали и тревоги,
Но мысли мои вдаль устремлены...
А караван идет по солнечной дороге
И верою глаза его полны.

О, мои думы, плачьте неустанно.
Конец терпенью сердца моего.
Ушел от нас водитель каравана,
Один из тех, кто к свету вел его.

А караван идет дорогой лучезарной.
Свои рыданья, стих, сдержи в груди.
Ведь нам победа грезится недаром,
Гляди — она сверкает впереди.

И потому на этой скорбной трауре
Так неуместны траура слова.
Вся наша жизнь — его продленье жизни.
И потому идет наш караван.

И пусть врагу неугасимой местью
Над миром солнце песенно взойдет,
И пусть мой стих вплетется в эту песню.
Наш караван идет!
Идет! Идет!

(Из книги истории)

I

Горит моя лампа... Изранены крылья огня.
 Тяжелые думы и непогоды в сердце сейчас у меня.
 Я корчусь от мук, и рассеяны мысли мои.
 И прошлые дни, и сегодня и завтра — в сознанье

стоит.

Сгоревшие крылья вокруг осыпают меня,
 Как пепел Сахары, оставшийся после огня.
 Я ветра быстрее и облака легче скаку на коне,
 Ищу в этом пепле сгоревшую душу в огне.
 Я в мертвые очи души без боязни смотрю
 И вижу сгоревшую черного цвета зарю.
 И люди, и годы кричат безголосо во мне —
 Я слышу, я слышу шаги их в глухой тишине...

II

Кровавое солнце восходит из желтых песков.
 И Нил, словно слезы рабов, разлился на просторе.
 И небо с землею стенают и плачут от горя.
 О, боги! Где жалость у вас к человеку?
 И кто из вас слышит больного раба?
 Свобода его под замком. И жизнь под замком,

и судьба!

Нет в чаше воды у него. И пуст его хлеба мешок.
 В лице — ни кровинки. Темны его впадины щек.
 Тяжелой стопой фараон раздавил его, как муравья.
 Спасите раба! — восклицаю в беспамятстве я.
 Он сам себе бог. И хозяин себе — только сам.
 Я понял: не раб — фараон лишь угоден богам!
 Сквозь сумраки времени Нил по Египту струит
 Тяжелые темно-кровавые воды свои.

III

От Миноса, Рамзеса и дальше Рамзеса
Поднимается времени злая завеса.
Клеопатра встает в венценосном наряде,
Хладен блеск ее тела. И ярость во взгляде.
Глыбы камня мостят вековые дороги.
Пирамиды встают величаво и строго.
Это — памятник, слитый из стона и боли,
Он кричит каждой раной, посыпанной солью.
Каждым камнем кричит и песчинкою каждой!
Ему губы свело от страданий и жажды.
Я бессмертье рабов в своем сердце вместил,
Мне в грядущие дни эту ношу нести.
Да, я тот человек, что поджег небеса,
Потому и горят мои гневом глаза.
Я фундамент сложил из отцовских голов,
Чтоб стоял на нем храм высоко и светло.
Храм свободы! Святой, величавый.
Это я и душа, я и кровь, я и слава!

IV

Конь мой летит — вперед устремлен.
Он скачет в глубины далеких времен.
Плачет дождем обнищавший Рим.
Мать голосит над убитым ею сыном своим...
Иссохшие груди пусты. Ее лицо
Обрамлено волос терновым венцом.
Ни крошки хлеба в доме у нее.
К чему ей, о небо, такое житье!
За что униженье на плечи ее легло?
О небо! Как молнией тебя не сожгло?!
Ответь мне, Гомер — мудрый слепец,
Когда этой ночи наступит конец?
Висит над Римом черный покров.
Пьет Цезарь из золотого бокала кровь!

Чаша римского цирка полным-полна —
Дикой страстью и азартом накалена.
Толпе от восторга стонать теперь —
Идет представленье «Человек и зверь»
В злобе тигр оскалил клыки-ножи —
И все живое в страхе дрожит.
Глаза его кровью и голодом налиты.
О, боги! Вы все это видите с высоты!
Видите, зверь человека рвет?
Слышите, цирк в восторге ревет?
И аплодируют драме кровавой:
— Зверю слава! Зверству слава!
На арене — растерзанный гладиатор —
Театр Рима. Безумства театр!

Я знаю, Рим, совсем неспроста
По грозовым облакам идет Спартак.
Небо — щит ему. Стрелы — молний огонь.
По горячим следам его скакет мой конь.
И пусть справедливость суд вершил
За уваженье людской души!
Ответь мне, Платон, Вергилий, ответь:
За смерть полагается только смерть?!

Я бессмертье рабов в своем сердце вместил,
Мне в грядущие дни эту ношу нести.
Да, я тот человек, кто поджег небеса,
Потому и горят мои гневом глаза.
Я фундамент сложил из отцовских голов,
Чтоб стоял на нем храм высоко и светло.

Храм Свободы! Святой, величавый.
Это я и душа, я и кровь, я и слава!

МОЕЙ ЮНОСТИ

ПОЖУР

Увидел, как бабочка целует цветок —
И вспомнилась ты, моя любимая.
О, сколько дала ты мне сладких строк!
Ты — древо жизни моей, любимая.

чужой

...Чем же мама твоя моей красивей?
Разве будет в разлуке она терпеливой?
И печаль ей не помеха
Для приветливого смеха,
Разве радость выразить слезами?

Моя мама красивей твоей без поруки,
Терпелива и умна она в разлуке.
И печаль за смехом спрячет,
И от радости поплачет,
И сияет мокрыми глазами.

Ты зачем пришел, душонка ледяная,
Ты — чужой, хотя тебя давно я знаю.
Ты под стать любимой маме —
Солнцу с черными лучами.
Сам себя страшусь я — убирайся!

Откровенен смех мой жгуче-ядовитый,
Я не верю этой дружбе ледовитой:
В каждом помысле — ледочек,
А на языке медочек...
Прочь! Открыта дверь! Не притворяйся!

* * *

Час вечерний. Лишь я и луна.
По оврагу прохлада струится.
Над землею плывет тишина,
И на травах роса серебрится.

Шелест листьев и шорохи трав
К милосердью Земли причащают.
Чистый воздух зеленых дубрав
Мою грудь от тоски очищает.

Я однажды пришел в этот мир
И попал во владения лета.
Пил прохладный лесной эликсир,
Зеселился и пел до рассвета.

ПУТНИК

Я — путник. Нет конца моей дороги.
Она в глубинах горизонта тонет.
Душа моя текучей болью стонет,
Я вдаль смотрю. В глазах моих тревога.

Чу, черный жеребец мой!

Бьет черный жеребец копытом землю,
Мой черный жеребец.
Достигнет цели в жизни только тот,
Кто через бури устремлен вперед,
Кто жизни беспечальной не приемлет.

Чу, черный жеребец мой!

Ты — чудо, холмок лунных блужданий.
Ты — чудо, холмок лунных блужданий.
Ты — чудо, холмок лунных блужданий.
Седна с чинами лунами.
Сам себе страшусь я — убийцей.

Открытие смех мой жестко-жесткий.
Я из первых этой дружбы отцовской
В первом лунном — ладочек.
А из первых ладочек.
Проты. Открыты двери. Не прятавшиеся.

* * *

Моя жизнь вся еще впереди.

Сколько мне еще жить суждено?

Разум душу мою бередит,

Память крутит немое кино.

Мысль — дитя дорогое мое.

Так тревожит, волнует меня,

Тайны мира со мной познает —

Тайны ночи кромешной и дня.

Тихо гаснет на небе
Закат голубиной крови...
Я глаза от него оторвать не в силах.
Ты сказал:
Вот погаснет закат
И не будет к былому возврата.
Я с надеждою жду день грядущий!..

* * *

Друзья, наведайтесь ко мне. Душа горит.
В ней юность пылкая и опыт в поединке.
Сейчас сошлись на узенькой тропинке,
И я не ведаю пока, кто победит.

Душа горит. Мне тяжко. Кровь моя кипит.
Я не рожден для мирного покоя.
На вечную борьбу я обречен судьбою,
Я верю, в схватке сильный победит.

Все желанье моё устроено
Жеребец мой жаждет боя
С флейтой спорить, с мечом язвить
Всюду я на земле ищу и бьюсь в море.

Жажда жена смехъ терпни ждет,
Жизнь моя, ты звезда мой другъ.
Но того, кто разлучил с мечтой
После всех бородавок счастье ждет.

* * *

Пойдем с тобою в горы.
Давай пойдем!
Мир светел и просторен
Для нас вдвоем...
Нам снег сияньем ясным
Глаза слепит.
Так почему от счастья
Душа дрожит?
Неутолима юность!
Она сейчас
На самых звонких струнах
Играет в нас.
Ее прекрасны взоры,
Бровей излом...
Пойдем с тобою в горы.
Давай пойдем!

Таки грудаш — сады, сады!
Жизни медоносная пора.
Не с чужою долей я рожден,
Не дурю, не лезу на рожон,
И все слаще разума игра.
О, степенность — горький след на лбу!
Но окликнет даль — кричу в ответ,
И в разлуке с будущим поэт
Знает хорошо свою судьбу!

Все желанья вдаль устремлены,
Жеребец мой мчится впереди.
С флейтою капризою в груди
Вышел я на зыбкий свет луны.
Жизнь меня сквозь терни ведет,
Жизнь моя, ты опыт мой крутой.
Но того, кто разлучен с мечтой,
После всех страданий счастье ждет.

Туда, где гром грозный смолк
За временем крутых и сложных,
Где стать и в бы тоже смот
Былом отважных и хладных.
Но — опознал! Не стал стрелком,
Не щеклся с гибом в звезде юноши.
Ни с револьвером, ни с клинком,
Ни с бомбой революционной.
Пустылый мир круша сполна,
Не я для штурма встал под знамя,
Когда высокая волна
Варуг отразила злой пламя,
И ночь перешла тих
Погасшую моря и горы.

НАСИМЕ

Для меня еще не все прошло.
Не пуста судьбы моей сумма,
И чахотка — не большое зло,
Все еще увижу, Насима,
Для меня еще не все прошло!

Так что испытанья впереди —
В схватке жизни, а не на пиру.
Насима! Прольется из груди
То, что жжет ее — и я умру...
Так что испытанья впереди.

А пока гляжу в твои глаза,
В темные глубины двух морей...
Насима! Ведь даже их слеза
Не пригасит жар души моей.
Счастлив я, что впереди — гроза!

И Я ПОИДУ...

Тропа трудней — следы видней.
Как валуны на горных склонах,
Все восемь тысяч восемь дней
Взбугрились на моих ладонях.
На них — стада, сады, дома.
И то ликую, то печалюсь,
Их силою земля сама
Вокруг оси своей вращалась.
И хоть я молод и удал,
На этот свет явился поздно.
За то, что малость опоздал,
На жребий свой пеняю слезно,
Ко всем, кто жил большой борьбой,
Растягил, крепил свободы завязь,
Я с рядовой своей судьбой
Всегда испытываю зависть.
К их подвигу мы не глухи,
Гордимся славными делами...
И вот меня мои стихи
Уносят вдаль куда-то сами.
Туда, где гром военный смолк
За временем крутым и сложным,
Где стать и я бы тоже смог
Бойцом отважным и надежным.
Но — опоздал! Не стал стрелком,
Не мчался с гиком в лаве конной,
Ни с револьвером, ни с клинком,
Ни с бомбой революционной.
Постылый мир круша сполна,
Не я для штурма встал под знамя,
Когда высокая волна
Вдруг отразила залпа пламя.
И ночь переживая ту,
Потрясшую моря и горы,

В гудящем Смольном на посту
Стоял не я — матрос с «Авроры».
И не с моих срывалась губ
Песнь жизни в молодом запале.
Не мой лихой, веселый чуб
На всем скаку ветра трепали,
Крутые, с привкусом беды —
С Поволжья, Дона, Украины,
Где ныне буйствуют сады,
Сровняв, прикрыв войны руины.
Не знал я дня ни одного
Из тех, что отгремели грозно.
Вот и обидно оттого,
Что я на свет родился поздно.
Но сердцем помня, как зарок,
Кем вскормлен и откуда родом,
Я не застрял меж двух дорог,
Иду одной — с моим народом.
Умею строить, сталь варить,
Борюсь со всем гнилым и косным.
Я даже горы своротить
Могу в прямом и в переносном.
Ну, а поскольку я поэт —
В своем kraю любимом, новом,
Ему несу посильно свет
Сыновним необманным словом.
И слава юности моей
Вся золотой цены и веса —
В садах пустынь, в волнах морей,
В державной стати Днепрогэса.
Где голь была — пошли леса
Да пастбищ и полей просторы.
На диких водах — паруса,
На трактах гужевых — моторы.
Она пришла и в кишлаки,
В такую глушь, в такие дали,

Куда от века лишь пески
Да ветры с воем долетали.
Туда свой обратила взгляд,
Где величаво так и сиро
В объятиях небес стоят
Вершины древнего Памира.
И выше заглянуть смогла,
Оставя твердь земного шара,
И искорку земного жара
В волшебном космосе зажгла...
Моя огромная страна,
Единственная и родная,
Трудясь без отдыха и сна,
Взрослеет, устали не зная.
Немало каркает ворон
И коршунов кружит над нами.
Неровен мир со всех сторон,
Он смотрит разными глазами.
Вот пролетарий — кровный брат.
Соратник боевой и стойкий.
Вот враг — злей кобры во сто крат,
Непримиримый и жестокий.
Он ждет, от злобы без ума,
Когда в безудержном разгоне,
Губя посевы и дома,
Рванут через границу кони.
Готов нас резать на куски,
Боясь советской нашей нови,
Он жаждет, чтоб мои пески
Спеклись от человечьей крови.
Но встанем мы. И первым — я,
Коль вновь бои неотвратимы.
Со мной — родные и друзья,
Товарищи и побратимы.
Сомкнем ряды свои стеной.
Враг не войдет. А если ступит —

То никакой потом ценой
Себя у смерти не откупит.
За нашей Родины расцвет
Пройдем все тяготы и беды.
Похода без причины нет
И возвращенья — без победы!

Невольни
НАХШОН
Ты приве
и в эти часы
ПОЭМА

Лежит наизнанку в берегу и
Ты достойна всех звездом звезд! О

Отдыхаешь на берегу и
Ты достойна всех звездом звезд!

ПОСВЯЩЕНИЕ

На сады опустилась
молитвенно тень.
У цветов повлажневшие листья
свернулись,
солнце к речке припало,
хребты отвернулись,
и увядшим тюльпаном
завесился день.

Я глядел,
и глаза в ожиданьи темнели.
О, краса моя,
нежная легкая птица,
тень упала на грудь —
опустились ресницы,
я глядел —
или птицы на сердце
галдели.

И, резвясь, ветерки
вслед за ними летели.
Девой сумерек в небе
был месяц зажжен.
И тогда
ты явилась мне...
Здравствуй, Нахшон,
О, русалка моя, моя фея.

Глядел я,
и явилась ты мне
словно волны плескались,
ты явилась, как в ветер
душистые розы;
на глаза навернулись

невольные слезы.

Ты пришла

и в стихи твои розы вплетались.

Ты пришла словно ангел, исполнивший слово,
и ладоней ли белых
мне губами коснуться?
Или в локонах черных
как в полночь проснуться?

Или бросить у ног
небо сетью улова?

Ты достойна всех звезд,
золотого улова,
но увы...

Вся вселенная мне неподвластна...
Так и быть —
подарю все, что есть у меня.

Пусть не лучший цветок
среди роз твоих красных.

О, Нахшон, моя юность,
как отблеск огня...
Вот, возьми!

Отдаю тебе стих,
словно дар наивысший.
Вот, прочти!

Ты прошепчешь слова мои —
Ангелы,тише!—

Ты целуешь почти...
Разве пройдя бы я

* * * ~~ИЩЕНЬЕ~~ ~~много вынужден~~

Лесенкой в небо поднявшийся стон
настолько высок,
что не видно начала....
Солнце, закат свой неся за плечами,
в кровь расцарапало весь небосклон.

Вечер пришел по пыльным дорогам.
Замолкла свирель,
проводя стада.
Не помню в какое из лет
и когда...
Помню лишь запах полынного лога...

Помню еще тонкий стебель
без тени, дождь собирающий в чащечки листья.
Помню, как жизнью
был он мне близок
в бедной заботе,
в тихом смятеньи;
слезы мои
уронила я в реку.
Разве нуждался в слезах Зангизор?^{*}
Нитка, державшая

сердце извеку,

*Зангизор (или Занげзор)— река в Армении.

Горю Свое забы я не помни
оборвалась.
Разошелся узор.
Черные дни,
как задутая свечка,
тьмой поглотили отца,
и могила
еще не осела,
как черная сила
мать увела,
мою добрую маму.
Душу мою, мою милую маму...

* * *

Что мне делать, ***
с кончиков нежных ресниц
зерна печали —
слезы свисают?
Что мне делать,
душу клюют мне сто птиц?
Что мне делать,
коль сердце опять воскресает?
Лист золотой,
на глади реки
остановись,
не кради мои мысли.
Брошу платок на поминках —
и вместе
мы поплывем,
оставляя круги...
Мы поплывем.
Неужели тогда
жгучая боль на сердце
угаснет?
Разве пришла бы я,

если беда
не затопила мне слезы,
несчастной?
Разве я стала бы,
лист золотой,
с тобою делиться
собственной скорбью?
Что же мне делать,
послушай, постой,
не уводи за излуку
так скоро
самую добрую, свет мою маму...

* * *

Сумерки. В туче
запрятался месяц,
тень этой тучи
плывет по реке..
Скитаясь, как ветер,
с сумою в руке,
пошла я по черным дорогам
и места
не находила.
Каждое утро
бриз или луч —
самые первые
вестники утра,
меня находили
в пути без приюта
всю в запахе скорби
или же плача...
Дни — как прибежище бед.
Скорбь. Тревога.

Горе. Сама себя я не помню.
Только взыхаю
и именем бога
молю: «Не топчите
жизнь мою, кони!»
Слезы несли меня
по-над горами,
слезы несли меня
садом осенним.
Слезы несли меня
днями, ночами.
Но не достигла я
света и сени!

Масис*
в своем утопает величье,
немыслимо пьяна
и не чувствует вздохов,
и даже увидев,
насколько мне плохо,
не скажет: «Иди, помогу!»—
для приличья.

* * *

Однажды...
Дождливая ночь.
Тьма сплошная,
Кипит как в котле
по дорогам вода.
Из черного плюща
завеса ночная.
Нет белого света —
есть траур.
Беда.

* М а с и с — река в Армении.

Окраиной города
вместе со мною
голод шел рядом,
темнело в глазах.
Как будто бы мир,
прежде бывший бескрайним,
сузился в рамках.
Ах!..
Чем отомстишь еще,
Небо неверное?
Где твоим бедам
в сердце предел?
Сердце сгорело,
пепел истлел.
Мертвую мучить
Не станешь, наверное.
Темная ночь. Тьма.
Бессилие. Ох...
Голод замучил.
Чувствую холод,
«мурашки» по коже,
закрыла глаза,
бросила на руки
голову,
странный, холодный пот
лоб не покрыл.
К камню дорожному
я прислонилась, словно к подушке.
Ветер подул,
и капля дождя,
скользя осторожно,
казалось, мне бедной,
плакала в душу...

Затем — ^{всю атмосферу жизни} я не знаю, что было затем, ^{зарозы} утро ли, ^{надеясь на худой} полночь ли. ^{засыпала тужурку} Тень над собою ^{одинкою ее вспомнил} помню. ^{дышла вновь ее} «Вставай, дочь моя!» — это тень, ^{зажигая зорюю жизни} сказала мне. ^{зажигающая} Так мне никто из живых! ^{который} не говорил. ^{тишеву во звуки} И на жалость такую ^{на мысль} я расплакалась я, ^{Столица изумрудной} доброты не стерпела, ^{мысль искренней} как непривыкшая ^{известия ожидает} к ней... ^{каким тщедом во}

Сбросив тужурку ^{закутавшуюся} с собственных плеч, ^{он вновь и} он укутал меня. ^{он склонялся к ней} «Не бойся, девочка, — сказал он, — Не сойся, ^{задорной тонкостью} малышка!» ^{любопытство идет за} И вышли мы. ^{видом и} Долгой дорогой ^{весьма великой} он ничего не спрашивал. ^{подойдя к ней} Шли мы, ^{под адреналином} Вокруг расходилась погода. ^{все в} Жемчужины звезд ^{под адреналином} рассыпались по ходу...

Сердце и грудь ^{тварь Японии} приступило ^{к сердцу} к проводам ^{все в} Как будто дрожало ^{холодом, всхливало} в первом побеге ^{холодом — проводом} ^{занесенным вином}

Небо, как радость моя, — эстаф
высочено! Но сколько от времени он и
Воздух прохладен, да бы осты
дохнул ветерок.
Листья за сердцем моим дают
все трепещут,
и легкий испуг, как вопрос между строк,
бьется: «А кто он?»
Куда он уводит?
К новым ли бедам
в подруги ведет?
Или, мне волосы
тъмою развеяви,
он бросит меня,
как луну небосвод?»
Ни слова не скажет,
он тих, словно полночь.
Тайна в глазах
отдаляет предел.
Хотела спросить, побоялась.
И молча
шла, умоляя
свой бедный удел.

Фонарь колебался, он засиял
мерцающий свет
обозначал
окончанье дороги.
Полночь — цыганка,
пройдя Аарат,
вниз устремилась,

рекой по порогам.
Сказал он: «Входи, дочь моя,
и не бойся». И хоть не тянуло меня
на порог, вошла я, подумав,
что хоть и не лучше,
но здесь и не хуже,
чем в лапах дорог.

* * *

Простенький домик.
Бледная лампа.
Ветер-бродяга
шарит в ночи.
«Дочь моя, чувствуй себя словно дома.
Вот тебе хлеб, вот вода,
помочи!»
Ах, меня дочкой зовущий,
ласкающий, вычитай горе мое
по глазам!
Но промолчи, эти беды я вижу,
как всякий живущий,
выносит их сам... —
хотела сказать я, но не сумела.
Сердце в груди отступило на шаг...
Как будто дразня мой испуг,
в черном небе

сверлил меня глаз...
Ах, луна!
Ах, мой враг!

* * *

Толпа онемевших от страха
минут
мимо прошла.
Он сказал мне внезапно:
«Дочь моя, милая,
зачем, отчего
скитаешься ты?
Отчего же глаза твои
выцвели?»

Капли из глаз моих
черные
обрисовали жизнь мою
скорбную.

Он снова молчал.
Но эти глаза...
И снова тревога
мне путала мысли:
«Кто он? Зачем эту ночь напролет
не спит этот дом?
Отчего неспокойно?»

«Дочка, устала ты,
видно, невмочь.
Ляг, отдохни,
Уже поздняя ночь!»

Читатель! Ты мне
самый близкий друг.
Пока ты любишь —
я с тобой страдаю.
И отметая
сладость снов,
мой дух
снам вопреки ночную песнь
слагает.
И вот опять
явилась мне она —
та дева- полночь
На пороге дома.
Вошла,
напротив села,
у окна,
как бы завесив черным плюшем
думы.
И снова вдохновение ножом
мне распороло в сердце
стежки-строчки.
Просыпались,
пульсируя по мне,
пропитанные кровью
Беки смеются строфы,
Строчки...
И снова
Легко для единственной Нахшон
мои стихи.
Но друг
Пусть набирает скорость
рассказ о ней.
Но здесь, читатель мой,
прервусь на миг,

чтобы очистить совестъ.

Есть у меня мечта —

венок поэм.

(И если не умру,

сплету, ей-богу!

А то, что собираю до сих пор —

так, увлеченье,

сбор цветов в дорогу.

Может быть,

букет и не богат.

Может быть,

ценою не высок.

Может быть,

неси, читатель, скрепку!..)

Насколько я знаю,

именно здесь

с Нахшон обошлись

по-людски и любезно,

коль скоро был добр

с нею тот человек,

ее пожалевший

у края, у бездны.

Она ведь девчонка,

бояться должна.

Уже и не слов —

дум бояться должна.

Поскольку как омут

глаза у мужчины.

В них тонущих мыслей

беспомощный крик.

Нахшон не отвлечься

от них ни на миг.

И как, наконец,

пренебречь той пучиной?

Откуда Нахшон знал, что утром она в
знать мужчину того, а стало быть, как ей уснуть
при мужчине?

Слипаются веки, как воды пучины, и мучится снова она оттого.

Не буду описывать, ведь герояния мне шепчет: «Усман, давай поскорее, я жду, как в осколки ту ночь разобьешь и развеешь туман!» Ну что ж! Будь по-твоему, я обрываю.

Прервись и читатель, хотя мой дастан останется в целости, словно та девушка, припавшая ночью к моим устам...

* * *

Мысли запутаны...

Веки смежены.

Сладко вздрогнуло, наверное, мне. Легко задышалось, почти как во сне.

Но вдруг я проснулась: женщина некая бледная, словно туберкулезница, но черноглазая,

в комнату быстро вошла
в платье байковом.
Бросила взгляд в мою сторону.
Я —
вздрогнула.
А то, что, что голосом
так, увлекающим,
печальным,
как будто бы руки
вдруг задрожали быстро на струнах,
что-то сказала
тому человеку...
Вздохнула затем
и затем успокоилась.
Бросила взгляд на меня.
Я дрожала.
Ко мне подошла,
улыбнулась, сказала:
«Сестричка, не бойся!
Добро к нам пожаловать!»
Ладонью погладила
голову мне
и взглядом тягучим
вгляделась в глаза.
«Кто сказал, что боишься я?
Кто ты?
Откуда?
Зачем ты жалеешь меня?»—
Я как будто сказала, не отводя
не отводя
брюшила взгляда
на таинственный омут.
Сказал он: «Маро мне жена...
Изувечена,

как ты, моя дочь...»

И опять я заплакала,
не в силах сдержать
непонятных мне слез.
Намокли ресницы
то ли от жалости,
то ли от радости
родственных уз.

Теперь не отыщет
меня ветерок.

Может быть, солнце
искать меня станет,
пойдет косогорами,
руслами вод,
и за садами
в безвестное
канет...

Сон мой пропал.
Дума длинна...
Но сквозь нее
пульсирует радость.
Теперь на рассвете
не буду выпрашивать
судьбу у зари —
пусть пылает она!

и старый, как логон,

и Мару свою гладил, и Елену...
И в колючую группу вьюнок
валько, — и все сирота окон
как будто изо лба сорвал вьюнок
здыхая в себя, — трещи — южни
И надо, — забытие в потешной атре
голубизной переливается — ужне
хлынуло,

шторки окон тереби.

* * *

Спят эти тайные омут-глаза.
Баю-бай, отец!
Спи, пусть приснятся сладкие сны,
Баю-бай, Маро.
Приснюсь тебе я,
приснюсь...
Как будто садами пройду я,
радостная, как добро.
Эх, длинные думы
ночью бессонной,
Эх, думы мои,
голубки и голубки,
Эх, голуби —
вы как пушинки в голубо-
синих высотах,
в высотах бездонных,
Летите пушинкою белой,
баюкая бедное сердце!
Летите Млечным Путем,
шумом крыл утешая
бедную душу дитяти.
Летите! Летите! Летите!
Пушком,
паутинкой летите!

* * *

С этими мыслями
уснула я, кажется,
пока через сон
не услышала шорох.
Вижу — рассвет
чуть колышется в шторах,
вижу — Маро

сама себе каётся.
Я тихо проснулась,
Маро улыбнулась:
«Сестричка, родименькая,
что с тобой?
Поспи, еще рано,
поспи еще рядом!
Отец твой ушел
Сказала и сладко зевнула.
еще раньше в забой».
Ладошкой
погладила лоб мне
и рядом легла.
Зевнула и я
и казалось, с окошка
рассветная шторка
мне сны намела.

Ответила
«Сиротой»

* * *

Спросила
в отеках
На листьях белели
сонные капли,
а желтое утро
кроило шатер
из перистых туч.
И курчавый, как локон,
луч
над Маро свою радость простер...
И в полную грудь задышала я
вольно,
как будто весь воздух
вдыхая в себя.
И небо,
голубизной переполнясь,
хлынуло,
шторки окон теребя...

Маро, моя душенька,
вставай,
просыпайся!
Златокудрая
встала из мрака заря...
Смотри, как прекрасны
пурпурные пальцы,
поверх Зангизора.
О разве же зря?!
О разве же зря
эти красные тучи,
зеленые тени
в рассветном лесу!
Вставай, просыпайся,
Маро, моя радость.
Я этой свободы
одна не снесу!
Развей свои волосы ветром,
русалка,
царица-природа
на сизых коврах.
И так ты красива,
что мне тебя жалко
и здесь под ногами,
и там, где овраг,
за горизонтом...
Тебя я узнала.
Я, чье дыхание — ветер,
а грудь —
небо.
Ты — родина,
ты
край сиротства.
И мне, умирая,
тебя не забыть!

И разом,
оставив тесную хижину,
мы вышли с Маро
в голубые сады!
Согнули мы тонкую яблоню
надвое
и стали срывать с ее веток
плоды.

Сказала Маро:
«Ты откуда,
сестричка?»

Ответила тихо:
«Под небом живу»,
Сказала: «Саркис говорил, сиротинка».

Ответила я:
«Сиротой и умру».
Спросила: «И мать умерла,
и отец ли?»

Сказала: «Себе вся родня —
это я!»

Она же: «Бедняжка,
ягненочек белый,
мне кажется, я —
половинка твоя».

(И жизнь мне поведала —
целую повесть.)
Я плакала...

Выплакались мы на совесть.

* * *

Сказала я: «Жизнь — неисповедима.
Как стон соловья на рассвете в саду».
Она же: «Саркис мне сказал, будем биться
за волю, или гореть нам в аду!
И вправду, Нахшон, доколь унижаться?
Доколь эта туча над головой?
Так пусть же как серна вольна будет родина
и будет над ней небосвод голубой!
Пойдешь ли ты в бой, если я буду рядом?
Дай руку, сестра,
Будь мне в мужестве братом!»
Прожгла мне нутро эта фраза Маро.

* * *

Проснулись, раскрыли глаза мои мысли, и взор, словно день, к точке пристальной стек...
Теперь темнотою нахлынули мысли... и в сердце пульсирующий кровоток,

как будто бы лава,
артерии выжег.
Но горд белоснежный во тьме
Аракат,
как будто бы жизнь укрупняя
стократ,
он всю ее
каплей
последнею
выжал.

* * *

А я не заметила
этот закат,
измазанный кровью
убитой голубки...
На сердце
лишь фраза Маро.
«Ты мне брат...»
Слова, тяжелее
собственной муки...
«Маро, где бы мог
задержаться Саркис?
«Нахшон, дорогая,
придет,
не тревожься».
Мы ждали его.
Свечи взоров зажглись.
Мы ждали —
стук сердца раскачивал воздух.
Луна появилась,
вернулся Саркис.
И темное сердце,
как ночь, просветлело.
Он гладил мне волосы.

О, неужели
так ласково слово «добрь»?
Так продлись
в другие слова:
«Как ты, бедная дочка?»
На что я отвечу:
«Спасибо, отец».
И сердце сожмется
в горящую точку,
и горы на сердце
падут наконец.
Ресницы покроет
тяжелая мысль.
Я вспомню опять
свои прошлые годы.
Как будто бегущие,
вольные воды
с разлету и вниз!—
в черный
траурный
мыс...

Сказала Маро:
«Ты опять предаешься
прискорбным мечтаньям,
родная Нахшон».

Саркис в это время
пил постную воду,
и вдруг, оборачиваясь ко мне,
он
сказал тихо-тихо,
как будто нарушить
боялся покой мой:
«Доченька, ты
не думай о прошлом,
не мучайся грустью,

весь в будущем
ждут вас цветы и сады...»
(Вот здесь чуть помедленнее
будь поэт.

Здесь время пришло
познакомиться с ними,
здесь время сдружиться
с прекрасной Маро
и гордым Саркисом.)

Лет сорока или больше,
в морщинах,
зубы работе отдавший
мужчина,
в прошлом — пастух,
пропадавший в пыли,
там, где печали рожка подпевая,
он рос,
но не вырос из бед —
вековая
тоска,
словно горы,
вздыпалась вдали.
На шее Саркиса
глубокие шрамы:
след плетки,
хлеставшей его по спине.

В его предыстории
родинкой стала
слеза или кровь,
что текла по щеке...
Всю жизнь посвятивший
поиску хлеба
насущного,
он обошел сто дорог.
Манило, обманывало

его небо,
своим горизонтом
означив порог.

Он сам говорил мне
часто об этом:
«Начну вспоминать —
и как будто тону
в каком-то болоте,
немом, безответном,
Кричи — не кричи,
а уходишь ко дну...
Уже заговариваюсь,
Эх, память!
Ею терпенье бы скрыло
сон свой бескрылый
в камень!
Эх, тяжесть на сердце —
горькое слово.
И режет мне разум
своим языком.
И вспомню я юность —
ком в горле —
и снова
из глаз, как из раны,
бьет родником!»

Он камень крошил.
Он каменотес.
Он глыбы ворочает.
Гранит граниты.
Вся жизнь его —
камень.
И в этом — он весь.
Он вырос как скалы —
в терпение вбитый.

Маро — его хрупкая
в камне
душа.

Дни пролетали за днями
в недели.
И вскоре с Маро
перешли мы на «ты».
Думы мои
как огонь шелестели,
слушая новости
мира тщеты.
Дни протекали за днями
в потоке
закатов и сумерек,
сумерек и зорь.
Эй, дни,
эти дни,
что очистили взор
от шор,
вы мне сердце
зажгли на востоке.

* * *

Однажды
была в одиночестве я.
И не было дома
Маро и Саркиса,
когда вдруг
стремительно парень вошел.
Спросил: «Где Маро?»
Я в ответ:
«Нет сестрицы».
Он краешком глаза

взглянул и...
Кто он?
Кто он, нестерпимо красивый?
Откуда?
Качнулось прозрачное сердце,
и стон
разбил его вдребезги,
словно посуду.
Что это?
Я не пойму почему, словно хрустальное, сердце разбилось?
Что это?
Смыли ресницы сурьму, и тьма моих слез с немотою сразилась?
Мой взгляд... взглядел смешался с землею у ног.
И губы — я чувствовала — задрожали.
В полость, пустую от сердца, бежали черные тени — колючий комок.
Сказала я: «Нету Маро, но зачем вам она?»
Он ответил: «Так, просто нужна...
Но ты не тревожься...»
Сказала: «О чём вы?»
А он мне,

прощаясь:
«Пусть ждет допоздна!»

Прощаясь, пронизывал
он меня взглядом.

Хотелось мне крикнуть:
«Не уходи!»

Исчез он в двери —
я хотела бы рядом
исчезнуть,
но тьма разлилась
впереди.

И тьма —
пустотой в моей черной груди
до крови разбилась
о тьму впереди...

Какое из чувств
так задумчиво, если
все думы мои
он с собою унес?
Оно в опустыненном сердце
(не в месть ли?)

любовью
само по себе назвалось?..

* * *

Вернулась Маро.

Рассказав ей о нем, спросила я: «Кто он?»
Дохнуло огнем.
Она, знать, заметила
жар сквозь вопрос,
слегка улыбнулась
улыбкою роз.

Сказала: «Ашот,
Из рабочих парней.
Наборщик типографии он,
Недавно приехавший
из Москвы.
И изредка он
посещает наш дом».
Что это?
Что за напасть?
А, Нахшон?
Склонила мне голову
тяжесть стыда.
Сказала Маро: «Не стыдись,
что с тобой?
Скажи, что случилось,
какая беда?»
И сердце стучало,
стучало: «Люблю»...
Но сплоховал
мой язык-переводчик.
...Не так ли любовь...
да, впервые,
любовь —
мне душу рвала
незаметно,
и в клочья.

Я не знала
с рождения
и до сих пор:
что такое любовь?
Чем так мучится сердце?
Я увидела раз
мимолетно
его,
этой тенью его

бедный разум истерзан...
Кто он сам?
Если тень его
мучит меня,
словно желтые листья,
уплывшие в реках?
Моя скорбь,
подпалившая горы огня,
у развилок стоит,
как беспутное время...

* * *

Одчажды
печальным вернулся Саркис.
Нависшие брови —
как серое небо.
Лицо непривычно
и грязно, и бледно,
и весь он,
как слякотный вечер,
раскис.
Ничто не могло его,
видно, утешить,
и в грязной одежде,
вздыхая,
он сел.
Мара подбежала:
«Что, милый, случилось?
Какую беду
нам готовит удел?»
«Не спрашивай,— хмуро
ответил Саркис.
И долго не мог он
промолвить ни слова.
«Гурген арестован сегодня днем».

Вздохнул —
И ушел весь в молчание снова.
Казалось, легкие лопнут:
так вздох
вошел глубоко,
и на выдох погасла в зловещем
лампа.
Не знаю, кто этот несчастный.
Но вторил Саркису
мой выдох и вздох.

* * *

Склонила мне голову
Какие-то думы, —
еще...
наконец, —
я, кажется, только-только
вздремнула, —
как в дверь постучались.
Я тихо: «Отец...»
Маро же мне: «Тише, сестрица», —
шепнула.
Тишина.
Только муха проснулась,
и жужжит.
И сердце прихлонуть
ее, что ли, хочет?
Стук.
Еще громче.
Еще и еще...
Слышу: поднялся Саркис...
Тихо ходит, —
не зная, как быть...
В темноте и Маро
совсем незаметна.

И вдруг слышу:
«Кто там?
Кто там стучит?»—
вопрошает Саркис.
Оттуда хрипят:
«Отворите!
Немедля!»

Саркис отворил им дверь. Осветилась комната шарящим фонарем.

Вошли трое в форме, и самый высокий спросил, чуть поправив большие усы:

«Саркис Абовян?
Вы арестованы.
Вот ордер на обыск...
Обыскать весь дом!»

И начался обыск. Все вверх тормашками перевернулось.

Как тутстерпеть?
Заплакала я.
Маро зарыдала.
А этот усатый стоял, словно плеть.

К Саркису я бросилась, на шее повисла.
И он меня в голову поцеловал.

Стоял неприступный и гордый, как горы, и молчаливый, как горный провал.

Кончился обыск.
Не найдя ничего,
этот усатый
стал еще подозрительней.
Но губы в улыбку
криво сведя,
выдавил он:
«Заберите его!»
«Отец мой, отец!»
«Успокойся, Нахшон!
Маро, поручаю теперь
тебя богу...»—
сказал он.
И тут же его увели.
И мы заревели,
смотря на дорогу...
А там,
по углам,
суждая наш вой,
соседи шушукались
чаперебой...

И сон был не сном,
а проществием ночи.
Луна — не луна,
а застывшая скорбь.
Сердце собой захлебнулось.
и кровь
по улицам жизни
текла у обочин.
Так долги те улицы,
дольше их — грусть,
что снова из глаз
в два потока струится.
Зачем же Масис,
обтекая руины,

стремится к сиротству
ночному
в союз?
Всю ночь я допытывалась
у Маро:
за что увели
эти, в форме,
Саркиса.

Сказала она мне:
«Сестрица Нахшон.
Не спрашивай. Горе
приходит нежданно
ко всем.
Что делать?
Ах, знала бы ты,
что сердце мое —
как огромная рана...
Пока будет властвовать
свора собак,
над нами не стихнут
ни лай и ни плети.
Но в жизни настанет
черед и для нас,
и в наших садах
будут весны и лета.

— В Москве, в Петрограде
живущий октябрь
великой назвал
свою революцию.
Нас может спасти
лишь восстание.
Улицы
должны забурлить,
как восставший корабль!

Тогда вся страна,
что дрожит в лихорадке
— от моря до моря —
как сказал нам дашнак,
рукава засучит,
опрокинет порядки,
надоевшие до смерти нам.
У отца переполнилась
чаша терпения.

Он всегда говорил,
что пора восставать,
что пора променять
жизнь на самозабвенье
и как ветер в садах
биться
не уставать.

«Гурген арестован».
Так, помнишь, сказал,
как будто предвидел
другие аресты.

Вставай же, сестра,
вставай же, невеста,
обрушь это небо,
его мне не жаль!»
Так сердце терзалось
простыми словами.
Бессонницу высветил
еле рассвет.

Его мы не видели,
как будто бы вывели
слезами
въевшийся
в небо цвет.
И мать, и отца потеряв,
я не плакала

столько, что слез не хватило, и кровь, казалось, пришла слезам на подмогу. И плакало сердце в полуую грудь...

* * *

Выцвело небо рассвета. Не вытерпев горя, на улицу вышла Маро. Не знаю — кому понесла свои горести, но вдвое пустыннее стало нутро.

И снова во тьму опустилось светило.

И траурно сердце замедлило шаг. Куда же Маро запропастилась, скитаясь ли вышла за тьмой на большак?

Когда свои брови вечер насупил, рыдая, вернулась Маро: «Горе мне! Ушел благодетель мой, Пусть будут прокляты, Нахшон, палачи!

Пусть пылают в огне! Из-за того, что Гурген арестован, у них на заводе был митинг, и там отец твой сказал что-то резкое, вольное, вот и пришли за ним по пятам. Не знаю, Нахшон, чем все кончится. Дай бог, чтобы все кончилось хорошо. Сестра, ты ведь знаешь, — нет, кроме Саркиса родного, о ком бы мне плакать еще!»

* * *

Снова ночь. Рассвет. День и сумерки снова. Снова дни, как ветра, мимо нас пролетели. И со временем сердце, как луна над метелью, захотело восстать из мрака земного. И тело мое содрогнулось, и я не знаю, о чем лихорадка моя.

Как будто на небо
взгляну и сверлом
пушу это небо,
как жесть,
на слом.
Кричу: «Провались,
свалка черных туч!
Или не страшен
тебе мой мятец?
Вон! Сель, разоривший мой сад!
Мой рубеж!
Или сброшусь сама
с этих круч!»

* * *

Был май на дворе.
Лопались почки.
Шептался зеленоглазый
лес
с красавицей ночью
в черном атласе,
гуляющей
по просторам небес.
Я дома сидела
одна.
В это время
раздался стук в дверь.
Я спросила:
«Кто там?»
Никто не ответил.
Мне стало страшно.
«Кто там?»
Это крался страх
по пятам...

«Нахшон!— он шепнул, отдув из
На Саркиса похоже... и чувства
«Отец!»— я воскликнула, оте члены
дверь отворя. атомы из
Кто это? Он... мола из
я узнала до дрожи, известья из
я чуяла известья из
кожей, известья из
под платьем горя... известья из
Бывает ли столь известья из
пронзительный взгляд, известья из
что сразу насквозь известья из
достигает он сердца? известья из
Спросил: «Где Маро?» известья из
Я ответила «Где-то...» известья из
И он известья из
вдруг закашлялся известья из
невпопад... известья из

Никак он не мог из
отдышаться, бедный; из
я стала тереть ему из
тут же виски из
Затих. Посмотрел на меня из
тихий, из
бледный. из
И пульс мой разбрисался, из
как лед, из
на куски. из
Я, видно, забылась, из
в оцепененьи, из
я словно примерзла из
руками к вискам. из
Прошел то ли век, из
а то ли мгновенье... из
(Эх, милый поэт,

Выходит ли, легка,
из багру из якой,
сейчас она не вспомнила,
так какое?

ты как будто
был там,
мне снова и снова
напоминаешь
холодную,
долгую,
вечную
боль...
Не надо, хороший,
понимаешь,
цветком в глыбу сердца
там
вмерзла любовь...))

* * *

Маро возвратилась,
сверкая глазами.
Как будто спешила
зачем-то домой.
В лице ее радость,
с печалью воюя,
глаза обвела
обольстительной тьмой.
Она, показалось, не удивилась
пришельцу столь позднему:
руку подав,
она поздоровалась тихо
с Ашотом
и стала шептаться с ним
с глазу на глаз.

А знает она
о любви моей,
чистой?
А любит ли так же,

«Нахшон! — он шепнул, оттуда же
На Саркиса похоже...
«Отец!» — я воскликнула, оттуда же
дверь отворя.
Кто это? Он...
я узнала до дрожи, оттуда же
я чуяла оттуда же
кожей, неизвестно что это
под платьем горя...
Бывает ли столь оттуда же
пронзительный взгляд, между тем
что сразу насквозь оттуда же
достигает он сердца?
Спросил: «Где Маро?»
Я ответила «Где-то...»
И он
вдруг закашлялся
невпопад...

Никак он не мог
отдышаться, бедный;
я стала тереть ему
тут же виски
Затих. Посмотрел на меня
тихий,
бледный.
И пульс мой разбился,
как лед,
на куски.
Я, видно, забылась,
в оцепененьи,
я словно примерзла
руками к вискам.
Прошел то ли век,
а то ли мгновенье...
(Эх, милый поэт,

Выходит ли, лягусь, —
из битву за мной,
случись она не сегодня,
так завтра?

ты как будто
был там,
мне снова и снова
напоминаешь
холодную,
долгую,
вечную
боль...

Не надо, хороший,
понимаешь,
цветком в глыбу сердца
там
вмерзла любовь...)

* * *

Маро возвратилась,
сверкая глазами.

Как будто спешила
зачем-то домой.

В лице ее радость,
с печалью воюя,
глаза обвела
обольстительной тьмой.

Она, показалось, не удивилась
пришельцу столь позднему:
руку подав,
она поздоровалась тихо
с Ашотом
и стала шептаться с ним
с глазу на глаз.

А знает она
о любви моей,
чистой?

А любит ли так же,

«Нахшон! — он кричал.

Но Нахшон не отвечал.
до боли в груди? Я не узнала,
он вышел, прощаясь, и месяц,
как нож,
сверкнул впереди...

Маро глубоко
над чем-то задумалась.
Молчала.
Молчала и я между тем.
Взглянула она.
Я в ответ усмехнулась.
Она же
Не смеялась совсем.
Сказала: «Нахшон,
посмотри в окошко,
на улице ночь,
кромешная тьма.
Сестра моя, знай,
эта ночь не темнее,
чем сердце мое —
ночная тюрьма!

Но ты передай через месяц,
сестрица,
что встанем мы вместо
Саркиса в строй.
Маро и Нахшон
будут яростно биться,
ведомые в битву
кровью сырой!
Ты выйдешь, Нахшон,
На место отца?
Туго его ремнем
обвязавшись.

Выдешь ли, детка,
на битву за мной,
случись она не сегодня,
так завтра? —
Доколе жизни в нас
пропадать?
Доколе властвовать
мертвым владыкам?
Душа, будь мужчиною
сердцем и лицом —
пришло наше время,
битв благодать».

Сказала она: «Не дрожи»,
Я затихла.
Но дрожь перешла
будто в блеск моих глаз.
И я в упоеньи
Маро целовала,
как великаны,
на этот раз!..
Ты помнишь
разбитую чашу терпенья?..
Я страху сказала:
«Стой! Пристрелю!»

* * *

День прошел.
А за ним еще два пролетело.
Словно летний поток,
сердце бьется в груди.
О мечта, о желанье,
вот вам мое тело,
в нем, как вы, золотых
рыбок.

хоть пруд пруди!..
Я подумала:
вот бы увидел Саркис
свою дочку Нахшон —
удивился б,

Или вспомнил бы ночь,
уплывающий лист,
что на темной воде
все колышется
мерно...

Ах, увидел бы он,
и к широкой груди
по-отцовски крепко
прижал бы меня...

Но вместо отца,
что в сырой тюрьме —
вот я! Возьми меня, бой!
Поглоти!

* * *

Сель пошел?
Или это поднялся смерч?
Или море разило
свои берега?
Или горы обрушились?
Небо смело?
Или мысли ударились
о чело?..
Как в реку влетающий
черный поток,
с потоком людей
я слилась среди улиц.
Был маузер в правой руке

у меня.
А левая — подносила пули.
Я уличный бой не смогу описать.
Треск пулемета, шум, слезы и крик.
Давка.
Стреляй!
Пли!
Взять! Связать!
Не поворачивается язык.

* * *

Все несутся вперед, обезумев уже...
Что с тобою, Маро? Душенька, что с тобой?
Наклонилась над ней... Кровь струей над губой...
Дорогая, родимая, Маро, погоди.
Не уходи, слышишь, милая, слышишь...
Что мне делать... родненькая,
вот я... постой... Не ты ли, как ветер, садами и... выше?..
Как это снести

жать орудия пружину.
И вспомнила:
живой Нахшон?
Уходишь?.. Уходишь?..
О, мне бы погибнуть...
Маро...
Мне бы сгинуть,
родная... сестрица...
О, бедный,
кошмарный,
вечный
мой сон!
Скрючена, бедная,
в пятнах лицо,
так безобразна
агония тела!
Она, черноглазая,
не смотрела —
в глазах ее тьма
спрессовалась в кольцо.
Упала я рядом,
не помня себя.
Но кто-то под мышки
меня разом поднял.
«Кто ты? — я спросила, —
«Кто б ни был, запомни,
Маро умерла...»
«О, Ашот мой,
судьба...»
«Не плачь, моя девочка,
не плачь, Нахшон.
Победа за нами,
раз родина наша!..
Маро стала жертвой,
О сколько их, жен,
что гибнут с мужьями? —
Миллион!
Давай же,

Что испытала,
принесла в каждую точку
вперед, в бой, родная Нахшон!»
И в это мгновенье
вышибло маузер.
И страшная боль...
И немыслимый стон...
И пауза...

* * *
После этого...
я потеряла сознание.

Ничего не помню.

А в себя пришла:
тяжесть в правой руке
и рука перевязана...
Не могу поднять...
тяжела...

В изголовье отец мой —
Саркис
и Ашот.

Не пойму я
тогда,
то ли днем, то ли ночью?!
Мне казалось впервые
здесь, рядом, —
восторг, —
и его я увижу впервые
воочию.

«Отец,— я сказала,— Маро...»
«Ты не плачь,—
шептал мне Саркис,—
Не плачь, моя дочка.
Знай, в сердце моем
поселился палач,
он точит слезами

его оболочку... Люб в ложке
Вскинь руку раненую
твою и крикни: «ура!»
Мы вместе помашем.
«Победа за нами,
раз родина — наша», —
сказал мне Ашот.
Как сказал бы:
«Люблю!..»

* * *

Как мне тебе показать свою радость?
Лесом зеленым шумит
мысль моя.
Мечты мои выше снегов Аарата.
Как тополь, теперь несгибаема я.
И в многострадальной душе вместо грусти забота иная —
университет.
Я грусть прогнала от ворот своей жизни,
осталась она среди уличных бед!
Рассказывать дальше? — испишешь тетради.
На каждой странице следы моих слез.

Чуть вспомню,
трепещет в каждой тираде
голубка
моих ослепительных грез.
«О друг мой, о брат», —
так меня называет
таинственноглазый Саркис,
мой отец.
Он жив,
он здоров...
(Я не забываю,
что каждый из нас —
половинка сердец!)

Маро умерла...
Словно свечка погасла.
Как осенний листок,
трепеща на ветру.
Как весенняя бабочка,
сбитая градом,
неожиданно грянувшим
поутру.
Спросишь ты:
а любовь,
как и прежде,
жива ли?
Да, любовь
в моем сердце
все так же жива.
Мертв возлюбленный мой.
Я его схоронила,
и в себе все храню
те,
живые слова...
Вспомню
песню тех дней —

и заходится сердце.
Всю меня пробирает
могучая дрожь,
и огромные слезы,
с ресниц ниспадая,
разбиваются о землю со звоном,
как броши.
Не хочу вспоминать,
не хочу и не надо б.
Только рана руки
все о том и о том.
Впрочем, даже не руку,
а жизнь, если надо,
говорит мое сердце,
я в битве отдаю!

ЭПИЛОГ

И резвясь, ветерки,
словно дети,
летели.
Девой сумерек в небе
был месяц зажжен.
И тогда
ты явилась мне...
Здравствуй, Нахшон!
О русалка моя,
моя фея.
Сказку жизни твоей
слагать я закончил.
Хоть и сам недоволен
я ею сполна.
Что ж,
читатель прочтет
если захочет,
На каждой странице
следы моих с

будет рад,
а не будет —
его ли вина?
Я и сам недоволен,
к примеру, ночами.
Не испишешь листа,
а уже — рассвет.
Да и сказки твоей
это только начало.
Буду жив —
доведу до сегодняшних лет.
Жизнь твоя —
некончаемый стих и поэма.
То, что я написал —
не окончит её.
Ты не смейся, Нахшон,
над мной, над поэтом,
говоря: «Это все?»
Нет, начало твое.
Я немного устал,
честно,
но я закончу
вот какими словами,
запомни, Нахшон.
Если родина скажет:
«В бой!» —
то как солнце
ты ресницами стрел
пли в ночной небосклон!..

НАСЫР ИСМАН

Слово моёной. (Поэма в стихах)
Пер. с араб. — Г. Камал, 1969—1970

и весят сирене.
Все члены прибывают
могутки дрожи
и изграждаю счастье.

СОДЕРЖАНИЕ

Немеркнущая звезда узбекской поэзии.	
Н. Раширова	3
Сердце. Перевод Б. Бурмистрова	6
Вдохновение. Перевод Б. Бурмистрова	7
Сонет. Перевод В. Зубарева	8
Караван идет. Перевод В. Махалова	9
Нил и Рим. Перевод В. Махалова	10
Моей юности. Перевод В. Махалова	13
Чужой. Перевод В. Зубарева	14
«Час вечерний. Лишь я и луна...» Перевод Б. Бурмистрова	15
Путник. Перевод В. Махалова	16
«Моя жизнь вся еще впереди...» Перевод Б. Бурмистрова	17
«Тихо гаснет на небе...» Перевод В. Махалова . .	18
«Друзья, наведайтесь ко мне...» Перевод В. Махалова	19
«Пойдем с тобою в горы...» Перевод В. Махалова	20
«Жизни медоносная пора...» Перевод В. Зубарева	21
Насиме. Перевод В. Зубарева	22
И я пойду... Перевод В. Баянова	23
Нахшон. Поэма. Перевод Х. Исмайлова	27

бийдик мөнкүлүк жекеңиң көмүлдүгүнүү
пәндиштеги
ИЛЛНПОУ-ДРДГ
жана вакыт
жакшылык таңбасын

Ол Ресейдеги көмүлдүгүнүү
бийдик мөнкүлүк жекеңиң көмүлдүгүнүү
жакшылык таңбасын
бийдик мөнкүлүк жекеңиң көмүлдүгүнүү
жакшылык таңбасын

1992 ж. ай

Түзүлүлгүнүү 11-жылдан кийинде 1991-1992-жылдарда
бийдик мөнкүлүк жекеңиң көмүлдүгүнүү
жакшылык таңбасын
бийдик мөнкүлүк жекеңиң көмүлдүгүнүү
жакшылык таңбасын

ИК СМ
насыр усман
Стань молнией: (Поэма и стихи):
Пер. с узб.— Т.: Камалак, 1992.—80с.

СОДЕРЖАНИЕ

Немецкая школа узбекской поэзии.

И. Рашитова

Серия. Перевод Б. Бурнашова

Бауделль П.

Литературно-художественное издание

Совет. П.

Караван изл. № Усман Насыр

Избр. Рим. Поэзия

Мой поэтический дневник

СТАТЬ МОЛНИЕЙ

Чукой. Перевод Б. Бурнашова

Поэма и стихи

Час вечерний. Ляльки и лирика. Перевод

Б. Бурнашова

Переводы с узбекского

Редактор

Ю. Розсадовский

Художник

В. Немировский

Художественный редактор

Р. Зуфаров

Технический редактор

Ж. Надирова

Корректор

З. Наджатова

ИБ № 2927

Сдано в набор 11.11.91 г. Подписано в печать 11.02.92 г.
Формат 70×90 1/32. Бумага № 1. Печать высокая.
Гарнитура «Литературная». Усл. печ. л. 2,92. Уч.-изд.
л. 2,99. Усл. кр. отт. 3,28. Тираж 1000. Договор 71-90.
Заказ 0-22. Цена 1 р.

Издательско-полиграфическое объединение ЦК СМ
Узбекистана «Камалак». 700113, г. Ташкент, м. Чилан-
зар, 8 квартал, ул. Катартал, 60.

Моя жена
Богдана
Усман Насыр

КАМАЛАК